

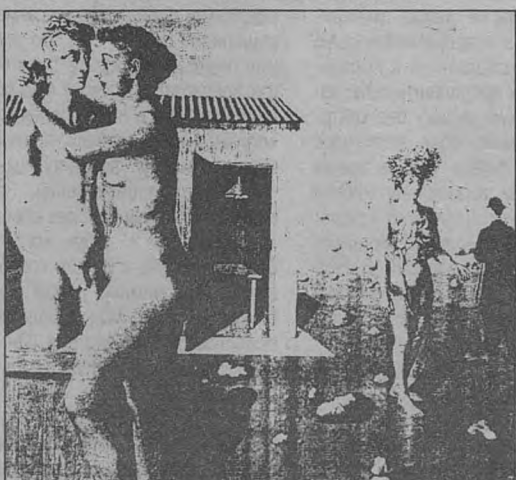
Спасутся ли женщины в мире Поля Дельво?

(К 100-летию со дня рождения художника)

Поль Дельво в своих картинах сотворил свой особый мир, в котором живут обнаженные или полубнаженные женщины с огромными печальными глазами. Их задумчивый, спокойный взгляд обращен внутрь, в себя, как у древнегреческих статуй...

Женщины Дельво живут на полотнах художника то в сказочных ночных садах, то бродят по пустынным площадям античных городов; они движутся по широким мраморным аллеям с лампами в руках к какому-то страшному храму, напоминающему небольшой, низкий вавилонский зиккурат... или печально и отстраненно грезят около провинциальных вокзалов, от которых до античных храмов всего лишь пара шагов.

И везде разлит бледный, призрачный свет, он льется отовсюду: с неба, от горящих свечей и ламп, от электрических фонарей... И еще — какой-то внутренний свет исходит от женщин Дельво; они печальны, они спокойны и как будто посвящены в какую-то великую тайну.

Пигмалион. Фрагмент.

Скажут: мало ли что может нарисовать художник, мало ли что ему вздумается, кто их поймет, этих сюрреалистов, разве только круг утонченных ценителей и знатоков...

Что-то очень глубокое понял от сути XX века великий бельгийский сюрреалист Поль Дельво. Он по-своему осознал и наглядно показал опасный надлом бытия человечества в нашем веке, «трещину бытия» — по определению Хайдеггера.

О чем же грезят женщины Дельво?

Картина «Большая аллея»: широкая аллея, выложенная белыми плитками и уводящая к морю, к храму-зиккурату, где стоит с десяток женских фигур. Слева от аллеи виден железнодорожный путь со всем путевым хозяйством. На рельсах — товарный пустой вагон, еще один... Три полубнаженных женщины (одна из них с лампой) спокойно и обреченно застыли в ожидании. В начале аллеи стоит женщина в платье и шляпке, вероятно, это «неофитка», сделавшая еще только пару шагов в мир Дельво...

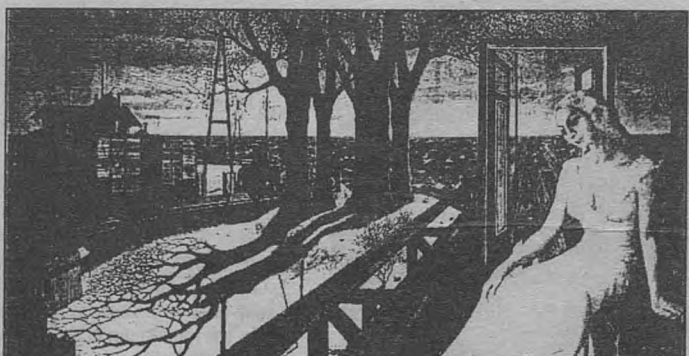
Сущность сюрреализма предельно ясно выразил Андре Бретон в своем «Манифесте сюрреализма» (1924):

«Я верю в будущее обоих внешних и противоречивых состояний, мечты и действительности, в одном виде абсолютной действительности, в сюрреальности... Сюрреализм основывается на вере в высшую реальность... на всемогуществе мечты, на незаинтересованной игре мышления...»

Дельво и сделал сплав своей мечты и реальности, в данном случае железной дороги и мистической аллеи. Но ведь мечта художника имеет какие-то основания, хотя бы и косвенные, в земной реальности, постигаемой на разных уровнях и различными методами.

От картин Поля Дельво часто веет большой внутренней напряженностью. Таково «Восхваление огня». Из убранной по-античному комнаты (вместо стены занавес, он раздвинут) в вечерних сумерках видны задворки железнодорожного вокзала. Наготове стоят поезда, горят все сигнальные огни, светятся окна в пассажирских вагонах, но... все мертво, все пусто, люди исчезли. Полуодетая женщина вышла на десяток шагов в мир поездов. Женщины Поля Дельво и реальный мир сосуществуют в разных временных рядах. Они ушли в другое время, от нашей реальности остались пустые вагоны и пустынные вокзалы.

В других картинах мир техники тоже покинут, людей там нет. В картине «Предместье» на вокзале стоит готовый к отправлению поезд, паровоз сдвигает лишний

Тени.

пар. И — никого. Лишь девушка в шляпке потерянно застыла. (Следует заметить, что подобные поезда и паровозы еще раньше Дельво появились в картинах Джорджо де Кирико, где они дымят на заднем плане пустых итальянских площадей, нередко среди циклопических построек, людей там нет...)

В грандиозной картине «Акрополис» изображено магическое действо. Все ирреально: античные колоннады, странный свет, ворота-рамы (в некоторые из них вставлены зеркала), пространства, не связанные между собой логически, но связанные общим устремлением групп полубнаженных женщин, которые медленно движутся с лампами в руках в свои храмы.

Мужчин в этих действиях, в процессиях, а также на вокзалах, в аллеях нет. Но в других ситуациях («Пигмалион», серия «Лунные фазы») в картинах появляются фигуры мужчин. Они предельно корректно и старомодно одеты, в сюртуках, пальто, при галстуках, шляпах, с тросточками. Они или бредут неведомо куда, или стоят в нелепых позах с остановившимся взглядом. На картине «Лунные фазы. I» на переднем плане стоят двое таких мужчин. Один из них прямо смотрит на нас, но его взгляд обращен в себя; другой приподнял очки и протирает глаза... Мужчины Дельво тоже живут в «другом времени», и никакой контакт с женщинами в принципе невозможен.

Мир в картинах Дельво очень хрупок, с какими-то чертами обреченности.

Как разрешится судьба женщин в мире Дельво?

Она уже вершится.

В «Пигмалионе» одна из женщин превращается в розовый куст. В картине же «Утренняя заря» женщины уже наполовину превратились в деревья, рядом лежат зеркало, бант, еще что-то... Женщина на заднем плане в «Утренней заре», увидев метаморфозу четырех подруг, в ужасе бежит к мужчине — в надежде прорвать стену времени?

Должно быть, одна из женщин Дельво вспомнила легенду о Пигмалионе, молодом скульпторе, влюбившемся в изваянную им статую. И добрая богиня вдохнула жизнь в мрамор, и мраморная девушка ожила... И вот на картине «Пигмалион» обнаженная женщина обняла мрамор, но смотрит отрешенно куда-то вдаль... Не оживет статуя прекрасного юноши!

И вот последняя надежда спастись изображена на полотне «Разумные девицы», некий причудливый отголосок евангельской притчи. Неразумные девицы, недостойные брачных одежд, остались обнаженными за стеклянной стеной; с ними все ясно. Разумные же, с зажженными лампами в руках (керосиновыми), в белых одеждах, все уже благополучно миновали зеркало, но напрасно. Двери туда, где брачный чертог, затворены. Но отворена дверь рамки на пирсе, обрывающемся в морскую пучину...

Андре Бретон в 1922 году сказал: «Поэзия была бы мне совершенно неинтересна, если бы я — вместе с некоторыми из моих друзей — не искал в ней нетривиального решения проблемы нашего существования».

Конечно, и живопись неинтересна, если не встают подобные проблемы. И Дельво реально опредметил в своих произведениях «нетривиальное решение проблемы нашего существования».

Хайдеггер обнаружил в нашем веке «трещину бытия». Души женщин Дельво, извлеченные из страшной реальности XX века, ушли в мир чистой красоты, прекрасных грез. Эти «светопоклонницы» с зажженными лампами подобны Диогену, который днем с фонарем искал человека.

Мир Дельво предстает подобно огромному монастырю, обители женских душ, сами же «бездушные» тела этих женщин еще недавно жили среди нас или еще живут.

Женщины Дельво мучительно смотрят на нас с его полотен и молят нас о спасении нашей цивилизации. Они жаждут светлой, чистой жизни, любви.

БОРИС СОСНОВСКИЙ

Мюнхен